

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81-313.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-55-67

СУГГЕСТИВНАЯ СПЕЦИФИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ЕЛИЗАРОВА

Валькова Ю. Е.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр-т., д. 49, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать художественные особенности произведений современного русского писателя М. Ю. Елизарова.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов для выявления случаев суггестии. При проведении исследования применены методы текстологического анализа: выявлены архетипы образной системы, категоризованы случаи суггестии на содержательном, композиционном и фонологическом уровнях.

Результаты. Проведённый анализ показал, что произведения М. Ю. Елизарова в своей образной системе имеют много случаев суггестии, интертекстуальности, характерной для пост-модернизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования по случаям суггестии вносят вклад в теорию литературоведения и художественного текста.

Ключевые слова: М. Ю. Елизаров, литература, стилистика, суггестивность, художественная картина мира

SUGGESTIVE SPECIFICITY IN M. ELIZAROV'S WORKS

Yu. Valkova

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky prosp. 49, Moscow 125167, Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of the paper is to study the artistic peculiarities of the M. Yu. Elizarov's works.

Methodology. A corpus of texts is analyzed in order to reveal cases of suggestiveness. The research relies on the methods of textual analysis: archetypes of the image system are identified and cases of suggestiveness are categorized at the content, composition and phonological levels.

Results. The analysis shows that Elizarov's works have many instances of suggestiveness and intertextuality, which is characteristic of post-modernism.

Research implications. The results will contribute to the theory of literary criticism and fiction.

Keywords: M. Yu. Elizarov, literature, stylistics, suggestiveness, artistic picture of the world

Введение

М. Ю. Елизаров – русский писатель, автор трёх романов и нескольких сборников повестей, лауреат различных премий. Широкую известность он получил после публикации в 2007 г. романа «Библиотекарь», посвящённого описанию фетишизации Книги¹.

До сих пор творчество М. Ю. Елизарова как представителя «нового реализма» не получило должного освещения в научных публикациях, но те немногие, которые посвящены произведениям писателя, характеризуют его как постмодерниста, «грязного» реалиста, наследника концептуалистов [25]. Различные исследователи отмечают в произведениях писателя переключки с творчеством таких писателей, как Э. Берджесс, Э. В. Лимонов, Ю. В. Мамлеев, З. Прилепин, А. А. Проханов, Р. В. Сенчин, С. А. Шаргунов, В. А. Шаров. М. Ю. Елизарова называют эпигоном В. Г. Сорокина [3; 25].

Различаясь по жанровой тематике и по выбору тем, произведения писателя едины в установке на создание альтернативной картины мира. Морок, наводимый писателем на действующих персонажей и на читателей, носит суггестивный характер, поскольку картина мира у героя повествования к концу произведений радикально меняется. Так, например, герой романа «Библиотекарь» теряет способность мыслить критически, начинает думать как член изб-читален и полностью погружается в перечитывание-переписывание книг, покидая реальный мир. По утверждениям критиков, М. Ю. Елизаров пишет фантазмагорическую и сюрреалистическую картину действительности², насмехаясь над социалистическими мифами и одновременно поддерживая традиционные ценности.

¹ По сюжету написанные в духе советского реализма произведения забытого писателя Громова становятся триггером чувств (радости, счастья и т. д.), не имеющим связи с собственно их содержанием). Роман становится сказкой о соцреализме и социализме [18].

² Данилкин Л. Сюрреалистический роман о переселении трудного подростка [Электронный ресурс] // Афиша: [сайт]. URL: <https://www.afisha.ru/book/1638/reviews/all> (дата обращения: 20.09.2017).

Особой чертой произведений М. Ю. Елизарова является суггестивное влияние на героев повествования и на читателей. Рассмотрим, как она проявляется в его произведениях.

Образная система в произведениях М. Ю. Елизарова: результаты

Суггестия (внушение) неотделимо от убеждения. По мнению исследователя С. В. Болтаевой, успех внушения зависит от ритмичности воздействия того или иного рода [4, с. 9], и таким образом осуществляется манипуляция читателем. Ритмизация текста происходит в основном благодаря лексическим средствам, повторам, анафорам, а также с помощью таких фонологических средств, как аллитерация.

Суггестия в мире художественной литературы выражается на содержательном, композиционном и фонологическом уровнях. Далее представлена её реализация по этим уровням в произведениях М. Ю. Елизарова.

I. Содержательный уровень

1. *Использование определённых тем*, которые заведомо могут нарушить цельность личности персонажа, создать у него гнетущее ощущение собственной беспомощности. Среди таких тем находятся криминализация общества, пассивность идеологических структуры и интеллигенции, ведущие к бездушию и коммерциализации [7, с. 65], распад привычного уклада жизни (неопределённость перестроечного времени в романе «Мультики»). Т. В. Казарина считает, что М. Ю. Елизаров выбирает своих героев из «пацанов», которым присущи черты этой группы – они собираются в стайки, демонстративно пользуются матерным языком, находятся за пределами нормального общества [8, с. 84]. Критик Л. Данилкин думает, что лирический герой М. Ю. Елизарова подобен трикстеру, «эгоистичен, сексуально озабочен и охоч до всякого шутейного материала»³, а та-

³ Данилкин Л. Ногти // Афиша: [сайт]. URL: <https://www.afisha.ru/book/81/review/145299> (дата обращения: 20.09.2017).

кими персонажами можно манипулировать, играя на их инстинктах. Герои – это зачастую «лишние люди», опустившиеся или утратившие связь с реальным миром. Например, герой рассказа «Красная плёнка» сам в двенадцатилетнем возрасте выгоняет себя на улицу, юные Разум и Гребенюк из «Мультиков» тоже убегают из дома. М. Ю. Елизаров обращается к хтоническому миру – миру мертвецов (например, подробное описание дома-усыпальницы для мёртвых, как для живых в романе «Pasternak»), но и бытовые темы носят у него откровенно инфернальный характер. Кроме того, размышляя о фашизме, писатель уподобляет деревянного Пиноккио диктатору Муссолини¹. Впрочем, последняя взаимосвязь не больше, чем интеллектуальная игра, построенная на предвзятости подтверждения.

2. *Вкрапления реализма* в намеренно создаваемую нереальную картину мира. Жанровая и эпистемологическая неопределённость приводят к тому, что фарс соседствует с прозой [3, с. 102]. Деструктивная семантика и загробная схоластика, как в романе «Земля», не мешает герою жить вполне реальной жизнью.

3. *Создание цельного образа*, который навсегда меняет мировосприятие персонажей, едва ли не пожирая их. «Достаточно было раз посмотреть на комод, и он навеки помещался в мысль»². Появляются навязчивые мысли о Мысленном Волке и других образах (Падаль, Тля), которые поселяются в голове героя. Герой рассказа «Кубики», придумав этих персонажей, постепенно заполняет ими всю свою мысленную жизнь. Теперь он тратит всё своё время на ритуалы-противоядия, полностью погружаясь в безумие. Таким образом до предела тема суеверий («неписаных аксиом самосохранения»), когда человек вместо того, чтобы жить, огораживает свою дея-

тельность символическими актами, пользуясь только «проверенными словами». В целом Фёдоров, герой рассказа, стремится преодолеть Первосмерть, а также обезумевших Отца и Деда (пародийное развитие темы Бога-Отца). На цельном образе строится и рассказ «Украденные глаза», где герой теряет глаза, но не зрение³.

4. *Яркие образы («якоря»)*, маркирующие идею, явление. В повести «Ногти» персонаж Бахатов обладает мистическими способностями, проводя ритуалы, где главным действием было обгрызание ногтей. Так же, как и в рассказе «Кубики», происходит ритуальное сражение с воплощением зла, представленным в виде потусторонней собаки. Ногти служат средством предсказания и программирования будущего, а также орудием сражения с этой собакой. Причём, как и в других произведениях М. Ю. Елизарова, мистический ритуал остаётся за кадром, и эта завеса тайны порождает у персонажей ощущение довлеющего страха. То, что непонятно, является суггестивным, т. к. при этом отсутствует критическое восприятие.

5. *Гиперболизация*. В рассказе «Нагант» слёзы выпрыскиваются, как из брандспойта, огромными брызгами повисают на стене и ручьями стекают вниз⁴. Эти слёзы будят жалость в любовнице героя, которая вовлекается в его ощущения. Гиперболизация ведёт к иллюзии кластеризации, когда герой видит паттерны там, где их нет.

6. *Подстройка к состоянию реципиента*. Здесь могут быть использованы следующие манипулятивные стратегии: поощрение, нагнетание (реципиенту сообщается о его уникальности, а также об опасности, срочности и необходимости выполнения дела), скрытое программирование с помощью команд и направляющих вопросов, использование управляемых ассоциаций, изменение модуса, персонализация / деперсонализация

¹ Елизаров М. Ногти // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=21965> (дата обращения: 20.01.2022).

² Елизаров М. Кубики (рассказы) // Litmir.me: [сайт]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=101834> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Там же.

⁴ Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

проблемы. Например, в рассказе «Киевский торт» отец (суггестор) с помощью направляющих вопросов (воспоминание про инцест в Ялте) заново соблазняет уже взрослую дочь¹, при этом у читателя создаётся ощущение, что дочь не против, т. е. суггестия явно направлена на реципиента текста. В рассказе «Трактат о смерти» Эльза Дмитриевна с помощью нагнетания и обвинений подчиняет себе мужа (ярко выраженный суггеренд – работающий в университете, не защитившийся «лишний человек»), который постоянно вынужден извиняться. Некоторые персонажи обладают способностью сопротивляться манипуляциям. Так, Кочуев из рассказа «Госпиталь» обладает способностью деперсонализироваться, слиться с окружающей обстановкой.

7. *Уровень «проблематичности» текста*, т. е., по И. Ю. Черепановой, наличие негативной лексики [22]. М. Ю. Елизаров обильно использует обсценную лексику, детально описывает разнообразное оружие убийства и сами убийства, половые извращения, за что его упрекают в эпигонстве В. Г. Сорокину. Но надо понимать, что М. Ю. Елизаров при кажущейся «чернушности» описываемого насмехается как над табуированием тем, так и над самим процессом разрушения табу. Как пишет Е. Погорелая в «Вопросах литературы», постмодернизм изживает себя в произведениях М. Ю. Елизарова, он логически продолжает линию постмодернизма до его следующей стадии [13]. Например, в рассказе «Стань отцом» (позже вошёл в роман «Pasternak») мальчик становится взрослым, когда ему дают последовательные разрешения на употребление тех или иных пластов матерной лексики (и впоследствии – насилия). Во-первых, это имеет комичный эффект, во-вторых, когда слова иссякают, происходит движение вспять – мальчик начинает запрещать отцу употреблять эти слова. Несмотря на высокий уровень проблематичности текста, его невозможно свести к одному измерению (например, «Восьмёрка» З. Прилепина в духе «ново-

го реализма» или пост-модернистский «Сахарный Кремль» В. Г. Сорокина по сравнению с произведениями М. Ю. Елизарова живописуют жуткое, но не сбивают с толку читателя или героя, для которого в рассказе «Стань отцом» М. Ю. Елизарова всё переворачивается с ног на голову). Можно заключить, что писатель ставит эксперимент над тем, как будет восприниматься, например, брутальный выбор оружия: в совершенно различной стилистике описаны методичная подготовка к бойне Льнова («Pasternak») и муки выбора револьвера героем с повышенной степенью рефлексии в рассказе «Нагант». Матерщина в романе «Pasternak» – «защита от потусторонних сил», а также «примета карнавального хронотопа».

8. *Визуальное оформление*. В рассказе «Красная плёнка» (позже вошедшем в роман «Pasternak») красный цвет плёнки обладает волшебным свойством – на фотографиях люди получают голыми². Жёлтый цвет диапроектора в «Мультиках» наводит морок на героя, в рассказе «Нагант» луна делает глаза жёлтыми³. «Зелёная лампа» (отсылающая к «Зелёной лампе» А. Грина и «Необыкновенным приключениям доктора» М. А. Булгакова) в финале «Библиотекаря» стоит в бункере, где А. Вязинцев вынужден пересчитывать книги Громова, и она же есть в рассказе «Письмо»⁴. Зелёный цвет часто встречается в произведениях писателя: в романе «Мультитики» на зелёной клеёнке разложены улики, в рассказе «Паяцы» – зелёные колдовские глаза героини и её зелёный поролоновый ирокес; в рассказе «Письмо» есть густота серых тонов и мерцающие болотные огоньки, в «Наганте» – «...стены до половины вызелены, белый свет в нём снова зеленеет уже от далёких ламп, в которых вольфрамовый волос горел, казалось, в болотном тумане»⁵. В этом же рассказе есть серый цвет пыли.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

9. *Звуковое воздействие или нащёптывание*. Самый очевидный пример – это чревоуещающий Разумовский из романа «Мульттики», где он «не забывал напевать невнятный тревожный мотив каким-то скрытым внутренним регистром»¹.

10. *Синестезия чувств*, которая заканчивается трагически. В рассказе «Рафаэль» герой теряет способность думать, он начинает думать зрением, а не мыслями: просто смотря на кого-либо, он помещает его в голову (как это было в рассказе «Кубики»). Образы лишены словесного оформления, подёрнуты ряской, колышутся². Физиологические изменения затем приводят к подмене героя, и Рафаэль оказывается не героем рассказа, а наблюдаемым объектом, который исчезает, когда его выводят из купе (из поля зрения наблюдателя, за которым угадывается сам автор), а Герман из романа «Мульттики», испытывая одеревенение, сидя на детском стульчике, как будто исчезает, отдавая своё «Я» Герману из диафильма. Б. А. Ханов заметил, что такая поза эмбриона – символ инициации, она предшествует появлению на свет нового Германа [19, с. 92]. Физиологические превращения происходят и в сборнике «Нюгти».

11. *Магизация обыденных предметов*. Здесь М. Ю. Елизаров обыгрывает идеологемы советского дискурса, образы коллективного бессознательного, не идеализируя их, ибо они предстают в вывернутом виде, хотя в рецензиях на роман «Библиотекар» обычно говорится о превознесении писателем советского прошлого [16; 26]. Сам писатель говорил в интервью, что ВДНХ – это капище, соответствующее замыслу Советского Союза, где религиозная символика заменялась символикой магического социализма³.

¹ Елизаров М. Мульттики: роман // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=147782> (дата обращения: 20.01.2022).

² Елизаров М. Мы вышли покурить на 17 лет // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1013453> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Надысова О. Михаил Елизаров: «Возможно, о современной литературе будут судить по Донцовой» (интервью) [Электронный ресурс] // SiaPress: информационно-аналитический портал. URL: <http://www.siapress.ru/interview/26838> (дата обращения: 20.01.2022).

Обыгрывая стилистику советского реалистического романа, М. Ю. Елизаров создаёт цель и веру, которые должны научить человека существовать в беспросветной, обыденной действительности [2, с. 32]. Романы Громова, как можно полагать, написаны в духе А. П. Платонова, которого сам М. Ю. Елизаров считает лучшим писателем XX в. Трупное стихотворение в романе «Pasternak» становится оберегом для сохранения жизни после смерти, а после сжигания стихотворения дедом Мокаром труп умирает. Не все образы остаются раскрытыми до конца. Так, например, загадочны часы, которые дарит герою и его брату отец в романе «Земля». Они были заведены за 15 минут до рождения ребёнка. Когда эти «биологические» часы брата ломаются, он пропадает из повествования. Но что происходит с часами главного героя, остаётся неизвестным.

12. *Изображение живого как мёртвого и наоборот* в витальных и мортальных метафорах, а также интертекстуальности. Витальность метафор представлена во многих произведениях писателя. Например, в рассказе «Нагант» папа сравнивается с лисицей, которая смеётся⁴, а в сборнике эссе «Бураттини. Фашизм прошёл» города очеловечены: «Москва – крашенная. Не блондинка, не брюнетка. Цвет волос неопределённый, меняется в зависимости от освещения, от рыжего до пепельного оттенка. Сколько ей лет – сложно понять из-за пластических операций, сделанных, впрочем, довольно удачно»⁵. Мортальные метафоры, например стручковатые пальцы старух из рассказа «Нагант», напрямую связаны с темой упадка. Интертекстуальные метафоры нередки: название рассказа «Паяцы» отсылает к опере Р. Леонкавалло и сообщает человеку приговор и статус пустозвона, симулякра [15, с. 135], а имя «Герман» и колода

⁴ Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

⁵ Елизаров М. Бураттини. Фашизм прошёл: эссе // Book-online: [сайт]. URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=7167> (дата обращения: 20.01.2022).

карт в «Мультиках» отсылают читателя к «Пиковой Даме» А. С. Пушкина [19, с. 91]. Когда невозможно определить, как именно олицетворяется предмет (сравнивается ли он с человеком или животным), витальные метафоры наиболее зловещи, например, «арбузные черепа» из рассказа «Паяцы».

13. *Остранение*, когда предмет не называется, а описывается, предстаёт неузнанным. В рассказе «Письмо» свеча описывается так: «парафиновый столбик, похожий на отрубленный столбик с сине-жёлтым огненным ногтем»¹. В данном случае остранение сблизается по функциям с мортальной метафорой. Употребление остранения в неявной форме порождает у реципиента ощущение мертвенности происходящего: в рассказе «Письмо» лицо с нанесённой косметикой воспринимается как испачканное «мёртвыми красками», троллейбус – как «рогатый тролль в бусах»². Остранение реализуется и по отношению к большим отрывкам текста. О. Н. Сизых полагает, что в рассказе «Паяцы» М. Ю. Елизаров использует приём остранения ситуации супружеского обмана с максимально сатирической окраской [15, с. 130].

14. *Сведение высших форм выражения духа (творчества) к низшим (примитивным инстинктам)*. В сборнике эссе «Бураттини. Фашизм прошёл» писатель препарирует мультфильмы, разбирая их по кодам, зачастую тенденциозно. Так, анализируя мультфильм «Ну погоди!», он приписывает волку вождение зайца: «Волк комичен своей сексуальной перверсией», говоря о том, что во многих языках глагол «отведать» употребляется как для приёма пищи, так и для сексуального влечения³. Критика отмечает, что это особая стилистика, фразёрство в лучшем его смысле,

сродни искусному шутовству⁴. Писатель также разрушает стереотипы: в библиотеках не царит тишина, мир социализма порождает насилие, а не утопию, как считает В. В. Цуркан [21, с. 65], а писатель в романе “Pasternak” – не духовный вождь.

15. *Употребление библейских и религиозных аллюзий* (что по функционированию равно интертекстуальным метафорам), которые в неявной форме сигнализируют о совершаемых грехах и возмездии. Кроме описания многочисленных псевдорелигиозных ритуалов в романе “Pasternak”, есть в произведениях М. Ю. Елизарова более тонкие отсылки к библейским или религиозным концепциям. В рассказе «Паяцы» это глина, которой покрывают своё тело герои, а также обманутый муж, который предстаёт в виде Голема [15, с. 130–131]. В рассказе «Письмо» есть отсылки к следующим египетским казням: наказание кровью (вода в чайнике приобретает красный оттенок), казнь жабами (жаба появляется на ковре), нашествие насекомых (тараканы), необычная темнота, смерть первенцев (аборт героини). В рассказе «Украденные глаза» заика-батьюшка говорит, что черти мучили его: «Н-не читай Б-библию, читай М-мурзилку»⁵. Исследователи проводят аналогию между писателем Громовым, чьи книги обладают волшебным действием в «Библиотекаре», и Одним-Громовержцем [7, с. 68]. М. В. Безрукавая, впрочем, пишет, что религия в традиционном смысле не интересует писателя, скорее, он совершает перенос [3, с. 101] – религия претворяется в традицию и становится каркасом для национального духа. Герои у М. Ю. Елизарова «постоянно оказываются в ситуациях, где жизнь требует от них не просто действовать, а отправлять ритуал», но этот ритуал становится понятным благодаря обряду инициации, он очищает от магической шелухи смысл происходящего [6].

¹ Елизаров М. Ногти // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=21965> (дата обращения: 20.01.2022).

² Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Елизаров М. Бураттини. Фашизм прошёл: эссе // Book-online: [сайт]. URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=7167> (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ Данилкин Л. Ногти // Афиша: [сайт]. URL: <https://www.afisha.ru/book/81/review/145299> (дата обращения: 20.09.2017).

⁵ Елизаров М. Кубики (рассказы) // Litmir.me: [сайт]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=101834> (дата обращения: 20.01.2022).

16. *Неомифологизация сюжетных ходов*, когда действие словно запрограммировано автором следовать обычной схеме развития сюжета, как у В. Я. Проппа. М. Ю. Елизаров переосмысляет развитие мифа, а персонажей подвергает стохастическому воздействию артефактов, носящих информационный характер. В «Мультиках» такой артефакт – диафильм, в «Земле» – земля как танатос, в «Кубиках» – кубики и ритуалы, в «Библиотекаре» – семь романов Громова, которые нужно постоянно читать, как Библию [2, с. 34]. «В художественном мире М. Ю. Елизарова неомифологизм представляется через онейрические мотивы, которые создают некую квазиреальность, противопоставленную объективной действительности» [12, с. 85].

17. *Использование разных модусов повествования*. Персонажи способны на полярные проявления чувств, поэтому действующему герою непонятно, как они поведут себя в том или ином случае. Писатель прорисовывает очень живых героев, сообщая им несочетаемые, казалось бы, свойства личности, от аналитического склада ума до маргинальности, от нежности до агрессивности [24, с. 126].

II. Композиционный уровень

1. *Использование ассертивов / негативов*. Пример использования ассертивов – навязчивое внушение разным героям, что они любят мультипликационные фильмы в рассказе «Мультики», негативов – в рассказе «Нагант»: «В двадцать восемь лет я понимал, что со мной, как и с Дубровским, тоже всё кончено. Не откроется неизвестный талант, о котором молил ещё в школьные годы. Не ударит молния, наделяя знанием языков или посвящая в гении математического счёта. Я не сделаюсь сильным и умным. Не вырасту больше ни на сантиметр. Не будет карьеры дипломата, шпиона, авантюриста, актёра. ... Я не стану рок-музыкантом, с камушками горьких и визгливых слов во рту перед ревущим че-

ловеческим морем. И просто музыкантом не стану»¹.

2. *Повторы*. Примером здесь может быть заговорная тема в романе «Pasternak»: похороны используются дедом Мокаром и его внуком Льновым для замедления событий и противодействия злым силам – фашистам и духовным сектам. Повтор есть в «Библиотекаре», когда М. Ю. Елизаров по-новому реализует тему насилия: хранителями Книг выступают ущербные, скудоумные герои (например, старухи), которые и ведут битвы, не используя при этом огнестрельное оружие. Суггестивный повтор часто реализуется и на лексическом уровне, что особенно заметно с лексемами, описывающими страх, например, в рассказе «Нагант» и романе «Мультики». В «Мультиках», как замечает Дж. Маркуччи, ещё перед развёртыванием сюжетного действия встречаются упоминания 4 мультфильмов («Федорино горе», «Приключения капитана Врунгеля», «Бременские музыканты» и «Дядя Стёпа»), которые предвещают то, что должно произойти [11, с. 178–182].

3. *Средства каузации и конъюнкции / дизъюнкции*. В романе «Мультики» происходит нарушение схемы. Разумовский один раз по ошибке называет тренера педагога Гребенюка Гребешковым, что словно вырывает слушающего рассказ Германа из сетей повествования. Поэтому дальше Разумовский продолжает говорить суетливо, чувствуя, что рыбка может сорваться с крючка. Конъюнкция представлена здесь такой мыслью Германа, что он предвидел смерть своих обидчиков-одноклассников – Новиковой и Алферовой, обстоятельства которой схожи с историей об одноклассниках Лёшки Разума в показанном ему диафильме.

4. *Закольцованность сюжетных ходов*. В «Стань отцом» действие разворачивается зеркально и приводит к тому, что герой «усыновляет» своего отца и дарит ему на очередной день рождения машинку якобы

¹ Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

от родителей. В романе «Мультики» происходит проникновение образов друг в друга, своеобразная игра с матрёшкой: герою показывают диафильм, в котором показывается другой диафильм, в котором показывается волшебный фонарь [10, с. 86]. Причём эта игра нелинейная: в конце диафильма 1957 г. герой в ужасе видит себя (действие разворачивается в перестроечные годы), далее – как он, нарисованный, смотрит диафильм. Герой понимает, что он теперь будет подвержен психофизиологическим реакциям против его воли в зависимости от поведения своего изображения в диафильме, например, Герман ощущает, будто он рухнул в бесконечный колодезь, который одновременно находился у него внутри и создавал «плеяду учеников-наставников», где «ученик исторгал из чрева учителя, а тот разрешался очередным дидактическим родителем»¹. Н. Хрящева, рецензируя роман «Библиотекарь», выделяет мотив «возвращения в жутковатое пространство соцреалистических лозунгов» и то, что «сеть читален походит на подпольную сеть политических или религиозных организаций» [20, с. 70]. Закольцованность обусловлена использованием хронотопа лабиринта в романах «Библиотекарь» и «Мультики», которые, обрекая героев на новые ловушки, становятся криптологическими романами [18].

III. Фонологический уровень (микроуровень)

1. *Аллитерация*. Это не частотный способ выражения суггестии для прозаических произведений, из примеров можно привести «гигантских кротов в гитлеровских касках» из романа «Мультики»². Полина Васильевна Горн из романа «Библиотекарь», приходя в себя, вспоминает слова: «Кубашка? Кадушка?» Потом то же самое делают и другие ста-

рухи: «Пёрсток, непёрсток, чтоб не колко! Уколка! ... Зовут Галина? Галила. Далила»³.

2. *Парономазия*, имеющая интертекстуальное значение. Так, в романе «Pasternak» умерший дед Мокар шепчет: «Ииии...падаль», что после превращается в «и падали два башмачка». Отсылка к стихотворениям Б. Л. Пастернака в романе представляет их в жутком освещении.

3. *Мрачные каламбуры*, как, например, именование покойных, умерших по разным причинам, в романе «Земля». Из романа «Мультики»: «Труп сделал из обезьяны человека. Терпеньё и труп всё перетрут. Без трупа не вытащишь и рыбку из пруда»⁴.

4. *Фонологический повтор*, например, нецензурной брани.

IV. Метауровень

Ещё раз обозначим сквозные суггестивные темы и образы для произведений М. Ю. Елизарова (это метауровень, когда совокупность произведений рассматривается как цельный нарратив).

1. *Герой-суггестор*. Так, героем-суггестором часто становится «лишний человек», который вызывает сочувствие, например в «Мы вышли покурить на 17 лет...» и «Библиотекаре».

2. *Инициация*. Она касается и суггерендов: «В романе “Мультики” Герман Рымбаев не просто проходит этапы перевоспитания, он получает своеобразный заряд ужаса, который заставляет его порвать с криминальным миром и впасть в состояние, где страхи и психические расстройства не менее реальны, чем факт включения в относительно благополучный социум» [2, с. 34]. Инициация, кладбищенская ноосфера и погружение в эсхатологическую культуру подробно освещены в новом романе М. Елизарова «Земля» [14], когда посвящение идёт через не только танатос, но и эрос –

¹ Елизаров М. Мультики: роман // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=147782> (дата обращения: 20.01.2022).

² Там же.

³ Елизаров М. Библиотекарь: роман // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=147782> (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ Елизаров М. Мультики: роман // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=147782> (дата обращения: 20.01.2022).

девушку главного героя. Инициация как испытание смертью способствует становлению суггесторов: Льнова из «Pasternak» как боевика, Разумовского из «Мультиков» как педагога, объединения старух из «Библиотекаря» как боевой ячейки. Вообще, старухи представлены в произведении в откровенно гротескной форме и имеют инфернальное начало, как в рассказе «Старушки», где бабушки покрывают насиле внука, насылая на изнасилованных девушек припадки, когда те упоминают следователю про этих древних старух – свидетельниц преступления.

3. *Образ книги* также очевиден. Она становится магическим символом (советские лозунги типа «Книга – учитель жизни» из «Библиотекаря» становятся мантрами, или, как отмечает Д. Ю. Юрьев, «заговорами» [24]). Каждая Книга несёт в себе «идеологизированный культурный код Советского Союза» [5, с. 65], она амбивалентна, соединяет в себе сакральное и профанное, духовное и телесное [17, с. 173] и обожествляется: «Проникновение в суть Книги обеспечивает нескудеющий поток жизненных сил для её читателя, пробуждение воспоминаний, впускающих человека в мир добра и всеобщего единения; анестезирует чувства горя, страха и боли ... несёт и смертоносную угрозу, так как каждый новый читатель понимал, что Радости, Силы и т. д. не хватит на всех» [7, с. 68]. Мотив чтения как спасительного акта восходит к пониманию изучения Священного Завета как спасительного и искупительного акта. Ритуальность совершаемого действия строго регламентирована: чтение должно быть непрерывным и тщательным, т. е. нельзя пропустить ни одной буквы. Библиотекарь Г. М. Агеева делает акцент на нерасторжимости текста и его материально-вещественного воплощения, т. к. чудодейственный эффект возникает только тогда, когда книгу читают. Хотя чтец по прошествии времени может запомнить книгу наизусть, воспроизведение по памяти без соблюдения ритуала не работает [1, с. 53]. В рассказе «Сифилис» героиня Лариса Васильевна получает заболевание не через незащищённый по-

ловой акт, а через чтение «Тихого Дона», в котором есть упоминание о сифилисе¹. В романе «Pasternak» книги Б. Л. Пастернака из затопленного издательства становятся минерализовавшимися орудиями убийства (для борьбы с эзотерическими организациями), хотя и самому образу писателя в романе приписывается демоническая эманация. Отец Григорий в том же романе открывает Цыбашеву, что каждая книга – всего лишь «Божественная пародия на действительную связь между человеком и Богом»². Кубики с буквами становятся возможной инкарнацией человечества, преодолевшего Первосмерть, в рассказе «Кубики».

4. *Ужас неизбежности* перед навсегда изменившейся судьбой – сквозной суггестивный мотив, причём поворотным моментом для окончательной суггестивности героя может быть вполне обыденный момент, после которого нет возврата назад к нормальному состоянию. В рассказе «Нагант» это описывается следующим образом: «...однажды не заметил ... ловушки, в которой замысловатый механизм пускается от ничего не значащего поступка, фразы или сочетания того и другого? К примеру, чистишь зубы в девять часов тридцать шесть минут, напеваешь под нос: “В юном месяце апреле...” – и сам того не знаешь, что безвозвратно повернулись невидимые шестерёнки западни. С той секунды ты находишься не в прежнем мире, а на поверхности липкой ленты для мух, завёрнутой бесконечностью Мебиуса. И гнусная каверза ловушки в том, что неизменёнными остаются обыденные дела, связанные с ними маршруты, только нога ступает уже по ядовито-липкой дороге, куда ни направься. И слететь невозможно»³. Для Германа в романе «Мультики» такой

¹ Елизаров М. Сифилис // Lib.ru: [сайт]. URL: http://lib.ru/NEWPROZA/ELIZAROV/r_pox.txt (дата обращения: 20.01.2022).

² Елизаров М. Pasternak // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=21963> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

точкой невозврата является обыденная ситуация – конец диафильма, который обрабатывается для него сотрясением мозга.

5. *Мания преследования* (как в рассказе «Письмо») и *навязчивые состояния* (как в рассказе «Нагант» и романе «Мультики») часто поражают героев и полностью парализуют их волю и способность сопротивляться. Нарушенные физиологические реакции (обездвиженность Германа) и провалы в памяти (из рассказа «Нагант»: «Память благородно заретушировала подробности, причём настолько густо ... К событию нет достоверных зрительных образов – одни домыслы»¹) также делают из героев суггерендов. Герои произведений становятся сумасшедшими визионерами, как персонаж рассказа «Кубики», или борцами за отделение мира нави от мира яви, как в романе «Pasternak». Такие персонажи близки русским юродивым, сумасшедшим, которые могут стать медиумами².

Заключение

Следует отметить, что произведения М. Ю. Елизарова не только несут в себе мистическую составляющую, но и содержат немало отсылок к биографии писателя (например, детство главного героя в «Земле»).

Интертекстуальность его работ связана с постмодернизмом [25, с. 4], а также с желанием показать расслоение пространства и времени, например, через омертвление идеологом СССР. Тем не менее М. Ю. Елизаров пишет о потребности единения и веры, ярким примером чего может служить «Библиотекарь», где отстаивается ценность общего добровольного служения во благо «спасения души и служения истине», что сближает роман с классической русской литературой [16, с. 627–628]. С другой стороны, тексты писателя изобилуют вербальными «субтекстами», порождаемыми отсылками к рок-культуре [23, с. 310]. Через всю стилевую игру писатель восходит к поэтике абсурда [9]. Все перечисленные черты свидетельствуют не только о суггестивной специфике текстов, но и о выстроенной художественной системе. Произведения писателя кинематографичны, что верно в отношении сборника «Кубики», романа «Мультики», начала романа «Земля», которое дано как перечисление кадров, заключённых в овальную рамку. Возможно, эта изобразительность и сообщает силу выстроенной образной системе и главным героям – «посторонним» людям.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Г. М. О книгоцентризме романа М. Елизарова «Библиотекарь» // Библиотекословие. 2010. № 1. С. 50–54.
2. Безрукавая М. В. Концепция человека в романах М. Елизарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). Ч. 3. С. 31–34.
3. Безрукавая М. В. Структура повествования и сюжетный мир в романах М. Елизарова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3 (29). С. 99–103.
4. Болтаева С. В. Ритмическая организация суггестивного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 25 с.
5. Быкова В. В. Культурный код в романе М. Ю. Елизарова «Библиотекарь» // Когнитивно-дискурсивная лингвокультурология и стилистика: материалы научной школы – 2014: в 2 т. Т. 2 / науч. ред. Г. В. Токарев. Тула: С-Принт, 2015. С. 63–65.
6. Григорьева Н. Михаил Елизаров. Ногти [Электронный ресурс] // Новая русская книга. 2002. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nrk> (дата обращения: 20.01.2022).
7. Жиндеева Е. А., Дергунова Н. А. Миф о советской эпохе в исполнении Вен. Ерофеева и М. Елизарова: опыт сравнительно-сопоставительного анализа двух произведений // Гуманитарные науки и образование. Филология. 2011. № 1. С. 64–69.

¹ Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

² Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

8. Казарина Т. В. Пацаны как тема современной литературы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2012. № 1 (11). С. 83–89.
9. Колмакова О. А. Поэтика метаморфозы в прозе М. Елизарова // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2015. № 1 (36). С. 223–232.
10. Малахова Д. В. Образ детства в романе Михаила Елизарова «Мультики» // Смоленский филологический сборник. Вып 11: Труды Школы молодых учёных «Квантитативная филология». Смоленск, Самарский государственный педагогический университет, 2022. С. 81–87.
11. Маркуччи Дж. Литературная кинематографичность: «Мультики» в переводе // Языки. Культуры. Перевод. 2015. № 1. С. 174–182.
12. Монгуш Е. Д., Куулар А. Р. О неомифологических тенденциях в рассказах М. Елизарова // Развитие Тувинского государственного университета в XXI веке: интеграция образования, науки и бизнеса: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию Тувинского государственного университета, 30 октября 2020 г. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2020. С. 85–86.
13. Погорелая Е. «Кровавый отсвет в лицах есть...» Михаил Елизаров // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 13–16.
14. Пучкова А. В. Мотив инициации в романе М. Елизарова «Земля» // Автор – текст – читатель: теория и практика анализа: материалы VII Международных научных чтений, Калуга, 29–31 октября 2020 г. Калуга: Издательство Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, 2020. С. 421–429.
15. Сизых О. В. Репрезентация метафоры «паяцы» в одноименном рассказе М. Ю. Елизарова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 127–137.
16. Степанов А. Д. Созидание через разрушение: русская литература 2000-х // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 624–629.
17. Ушакова А. В. Архетип книги в романе М. Елизарова «Библиотекарь» // Русская литература глазами современной молодёжи: сборник материалов международной студенческой научно-практической очно-заочной конференции, Магнитогорск, 18–20 сентября 2018 г. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, 2018. С. 170–174.
18. Ханов Б. А. Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М. Ю. Елизарова «Библиотекарь» // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 2. С. 229–238.
19. Ханов Б. А. Функционирование советского дискурса в романе М. Ю. Елизарова «Мультики» // Вестник Курского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2015. № 6. С. 90–94.
20. Хрящева Н. По страницам прозы – 2008 // Филологический класс. 2009. № 22. С. 70–72.
21. Цуркан В. В. Художественная концептосфера романа М. Елизарова «Библиотекарь» // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования (Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова). 2015. Т. 3. № 1. С. 62–65.
22. Черепанова И. Ю. Российская суггестивная лингвистика – верно направленное влияние языка на подсознание людей [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2014. Вып. 35. URL: <http://tverlingua.ru> (дата обращения: 20.01.2022).
23. Шостак Г. В. Михаил Елизаров и русский рок: художественная рецепция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2019. № 19. С. 304–311.
24. Юрьев Д. Ю. «Заговорная тема» в прозе М. Елизарова // Язык и культура: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции / под. общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Изд-во Центра развития научного сотрудничества, 2016. С. 183–187.
25. Юрьев Д. Ю. Псевдодокументальное начало в сборнике рассказов Михаила Елизарова «Кубики» // Вестник Астраханского государственного университета. 2015. № 4 (168). С. 123–127.
26. Юрьев Д. Ю. Творческая личность М. Елизарова: аспекты критической рефлексии и самоидентификации [Электронный ресурс] // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина. 2016. № 120 (06). URL: <http://ej.kubagro.ru> (дата обращения: 20.01.2022).

REFERENCES

1. Ageeva G. M. [On the Book-Centrism of M. Elizarov's Novel "The Librarian"]. In: *Bibliotekovedenie* [Library Science], 2010, no. 1, pp. 50–54.
2. Bezrukavaya M. V. [The Concept of Man in the Novels of M. Elizarov]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 4 (34), vol. 3, pp. 31–34.
3. Bezrukavaya M. V. [The Structure of the Narrative and the Plot World in the Novels of M. Elizarov]. In: *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of Science of Togliatti State University], 2014, no. 3 (29), pp. 99–103.
4. Boltaeva S. V. *Ritmicheskaya organizatsiya suggestivnogo teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Rhythmic Organization of a Suggestive Text: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2003. 25 p.
5. Bykova V. V. [Cultural Code in M. Yu. Elizarov's Novel "The Librarian"]. In: Tokarev G. V., ed. *Kognitivno-diskursivnaya lingvokul'turologiya i stilistika: materialy nauchnoi shkoly – 2014. T. 2* [Cognitive-Discursive Linguoculturology and Stylistics: Materials of the Scientific School – 2014. Vol. 2]. Tula, S-Print Publ., 2015, pp. 63–65.
6. Grigor'eva N. [Mikhail Elizarov. Nails]. In: *Novaya russkaya kniga* [New Russian Book], 2002, no. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/nrk> (accessed: 20.01.2022).
7. Zhindeeva E. A., Dergunova N. A. [The Myth of the Soviet Era Performed by V. Erofeev and M. Elizarov: The Experience of a Comparative Analysis of Two Works]. In: *Gumanitarnye nauki i obrazovanie. Filologiya* [Humanitarian Sciences and Education. Philology], 2011, no. 1, pp. 64–69.
8. Kazarina T. V. [Boys as a Theme of Modern Literature]. In: *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology], 2012, no. 1 (11), pp. 83–89.
9. Kolmakova O. A. [Poetics of Metamorphosis in the Prose of M. Elizarov]. In: *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Pacific State University], 2015, no. 1 (36), pp. 223–232.
10. Malakhova D. V. [The Image of Childhood in Mikhail Elizarov's Novel "Cartoons"]. In: *Smolenskii filologicheskii sbornik. Vyp 11: Trudy Shkoly molodykh uchenykh "Kvantitativnaya filologiya"* [Smolensk Philological Collection of Articles. Iss. 11: Proceedings of the School of Young Scientists "Quantitative Philology"]. Smolensk, Samara State Pedagogical University, 2022, pp. 81–87.
11. Marcucci G. [Cinematographic Component of Literature: "Cartoons" in Translation]. In: *Yazyki. Kul'tury. Perevod* [Languages. Culture. Translation], 2015, no. 1, pp. 174–182.
12. Mongush E. D., Kuular A. R. [On neo-mythological Tendencies in the Stories of M. Elizarov]. In: *Razvitie Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta v XXI veke: integratsiya obrazovaniya, nauki i biznesa: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 25-letiyu Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta, 30 oktyabrya 2020 g.* [Development of Tuva State University in the 21st Century: Integration of Education, Science and Business: Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 25th Anniversary of Tuva State University]. Kyzyl, Tuvinskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2020, pp. 85–86.
13. Pogorelaya E. ["There is a Bloody Reflection in the Faces ..." Mikhail Elizarov]. In: *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 2009, no. 3, pp. 13–16.
14. Puchkova A. V. [The Motive of Initiation in M. Elizarov's Novel "Earth"]. In: *Avtor – tekst – chitatel': teoriya i praktika analiza: materialy VII Mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii, Kaluga, 29–31 oktyabrya 2020 g.* [Author – Text – Reader: Theory and Practice of Analysis: Materials of the 7th International Scientific Readings, Kaluga, October 29–31, 2020]. Kaluga, Kaluga State University named after K. E. Ciolkovsky, 2020, pp. 421–429.
15. Sizykh O. V. [Representation of the Metaphor "Clowns" in the Story of the Same Name by M. Yu. Elizarov]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye Nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social sciences], 2016, no. 2, pp. 127–137.
16. Stepanov A. D. [Creation Through Destruction: Russian Literature of the 2000s]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, no. 6, pp. 624–629.
17. Ushakova A. V. [The Archetype of the Book in M. Elizarov's Novel "The Librarian"]. In: *Russkaya literatura glazami sovremennoi molodezhi: sbornik materialov mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi oncho-zaochnoi konferentsii, Magnitogorsk, 18–20 sentyabrya 2018 g.* [Russian Literature through the Eyes of Modern Youth: Collection of Materials of the International Student Scientific and Practical Part-time Conference, Magnitogorsk, September 18–20, 2018]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, 2018, pp. 170–174.

18. Khanov B. A. [The Peculiarity of the Functioning of the Soviet Discourse in M. Yu. Elizarov's Novel "The Librarian"]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities], 2015, vol. 157, iss. 2, pp. 229–238.
19. Khanov B. A. [The Functioning of the Soviet Discourse in M. Yu. Elizarov's Novel "Cartoons"]. In: *Vestnik Kurskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kursk State University named after N. A. Nekrasov], 2015, no. 6, pp. 90–94.
20. Khryashcheva N. [Through the Pages of Prose – 2008]. In: *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2009, no. 22, pp. 70–72.
21. Tsurkan V. V. [Artistic Concept Sphere of M. Elizarov's Novel "Librarian"]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniya (Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet imeni G. I. Nosova)* [Actual Problems of Modern Science, Technology and Education (Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov)], 2015, vol. 3, no. 1, pp. 62–65.
22. Cherepanova I. Yu. [Russian Suggestive Linguistics – The Right Direction of the Influence of Language on the Subconscious of People]. In: *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal], 2014, no. 35. Available at: <http://tverlingua.ru> (accessed: 20.01.2022).
23. Shostak G. V. [Mikhail Elizarov and Russian Rock: Artistic Reception]. In: *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian Rock Poetry: Text and Context], 2019, no. 19, pp. 304–311.
24. Yur'ev D. Yu. ["Conspiracy Theme" in the Prose of M. Elizarov]. In: Chernov S. S., ed. *Yazyk i kul'tura: sbornik materialov XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language and Culture: Materials of the 23rd International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, Center for the Development of Scientific Cooperation Publ., 2016, pp. 183–187.
25. Yur'ev D. Yu. [Pseudo-documentary Beginning in the Collection of Mikhail Elizarov's Stories "Cubes"]. In: *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Astrakhan State University], 2015, no. 4 (168), pp. 123–127.
26. Yur'ev D. Yu. [Creative Personality of M. Elizarov: Aspects of Critical]. In: *Nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta imeni I. T. Trubilina* [Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin], 2016, no. 120 (06). Available at: <http://ej.kubagro.ru> (accessed: 20.01.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валькова Юлия Евгеньевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: julyvalkova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia E. Valkova – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of English for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: julyvalkova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Валькова Ю. Е. Суггестивная специфика в произведениях М. Елизарова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 55–67.
DOI: [10.18384/2310-7278-2022-2-55-67](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-2-55-67)

FOR CITATION

Valkova Yu. E. Suggestive Specificity in M. Elizarov's Works. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 55–67.
DOI: [10.18384/2310-7278-2022-2-55-67](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-2-55-67)